

Наталья Холмогорова

Я рада, что такая встреча состоялась и, надеюсь, что она не будет последней. Да, конечно, мы очень разные, у нас разные позиции. Это естественно. Но и для того, чтобы достичь компромисса, так и для того, чтобы убедить или переубедить другого – нужно разговаривать друг с другом. Что мы сейчас и делаем. Я считаю, что это очень хорошо. Хотелось бы ответить на два основных возражения, которые мне наиболее запомнились.

Александр Черкасов говорил, что правозащитник не должен подменять собой адвоката. Правозащитник должен изучать весь комплекс доказательств, как обвинения, так и защиты и самостоятельно выносить решение о том, виновен человек или нет. Адвокаты есть, и у них своя работа, их подменять, конечно, не надо. Но, точно также правозащитник не должен подменять собой ни следователя, ни судью. Не дело правозащитника - проводить второе расследование, не дело правозащитника выносить вердикт. У правозащитника совсем другие задачи. Да, наверное, занимаясь конкретным уголовным делом, он имеет какие-то внутренние убеждения по поводу виновности или не виновности. Но, задачи его совсем другие. Правозащитника должно, прежде всего, интересовать благо общества. А благо общества состоит в справедливом и беспристрастном суде.

Поэтому, если правозащитник видит серьезные нарушения в ходе следствия и суда, если правозащитник видит политическое давление, это его дело. А разговоры о том, что: «Ну как же, такой-то человек говорит ужасные вещи – то надо же его как-то наказать!» - нет. Вы знаете, если кто-то говорит ужасные вещи, то можно с ним спорить, можно его осуждать, можно всячески выражать ему свое неприятие. Вплоть до общественного бойкота. Можно принять в отношении него еще какие-то меры со стороны гражданского общества. Но вызывать жандарма для того, чтобы тот схватил его за шиворот и потащил в тюрьму - это не дело. Нельзя отдавать на откуп государству решение о том, какие слова ужасны, а какие нет. Если государству позволить это решать, то оно нарушает... Что мы собственно сейчас и видим.

Между тем, даже те, кто не согласен с полной отменой антиэкстремистского законодательства и считает, что его надо сохранить в каком-то виде, согласны с тем, что в нынешнем виде оно никуда не годится. Действительно статьи 282, 280, 282.2 сформулированы чрезвычайно расплывчато, чрезвычайно растяжимо. Подвести под них можно кого угодно и за что угодно. Хорошо, возможно, их можно чем-то заменить, может быть, это обсуждаемо. Главное - то, что в нынешнем своем виде они совершенно неприемлемы. В нынешнем своем виде они являются орудием политической репрессии. С этим, как я думаю, согласны почти все. Вот из этого нужно исходить. Спасибо.

Текст см. в Части I. Панельные выступления